

Печальная ошибка

Я отчаянно пытаюсь скрыть ужас в моем сердце за своей приятной улыбкой, пока я перекладывала часть мякоти в рамку. Мои пальцы немного дрожали, пока я работала, но не так сильно, чтобы можно было это заметить. Я переложила немного мякоти в раму, затем встряхнула все, дав каше растечься по поверхности.

- Почему ты так ее дергаешь?

- О, так? Встряхнув все, можно быть уверенным, что каша равномерно распределилась, из-за бумага будет одинаковой толщины по всему листу. В зависимости от вида бумаги и ее толщины, мы можем повторять этот шаг несколько раз.

- Хм, ты же делала это раньше, выглядит так что ты много знаешь об этом, да?

Холодный взгляд Люта сверлил меня, тщательно изучая каждую мельчайшую деталь моего выражения лица. Что бы я ни сказала, не думаю, что смогу правильно ответить на это замечание. Вместо ответа, я продолжаю спокойно работать, а затем резко меняю тему.

- Эм, эм, Люта. Я подумала, что мы должны будем изменить количество встряхиваний для каждого листа, чтобы мы могли протестировать различную толщину бумаги, что ты думаешь?

- ...Да, разумеется.

Возможно, он подумал, что что-то не так с моей спонтанной сменной темой, потому что его глаза стали еще холоднее, пока он пристально смотрел то на мою работу, то на мое выражение лица. Пока он смотрел, я продолжала равномерно распределять кашу по раме.

Ааааааххх, думаю, я своими же руками снова все разрушила...

Как только достаточное количество целлюлозы равномерно распределилось, я удалила коврик из-под рамки, затем перенесла такой лист бумаги на полотно.

- Когда будешь переносить бумагу на полотно, нужно убедиться, что между новым листом и другими листами, которые уже сделали, не было пространства, поэтому нужно быть осторожным с выбором места, начиная с первого листа.

- Дай мне попробовать.

Люта поместил коврик обратно в раму, затем начал сам распределять кашу. Так как мы сейчас делаем небольшие, размером с открытку листы, не требуется много телодвижений чтобы распространить кашу равномерно по поверхности цинковки. Мы по очереди делаем листы, в основном работая в полной тишине. Хотя я попыталась подготовить достаточно внутренней белой коры, чтобы сделать несколько листов бумаги, к тому времени, как мы закончили, у нас оказался полный десяток листов, показывающих какие оказались мои расчеты.

Ну, слишком много на самом деле тоже не плохо.

- Сегодня мы не сделали очень много листов, но независимо от того, сделали ли мы много или мало, мы оставим бумагу здесь на полотне на целый день, чтобы вода могла стечь с нее.

- А что после этого?

- Затем мы медленно начнем добавлять груз сверху, чтобы выжать из бумаги всю оставшуюся воду. Мы положим каменный груз на нее и оставим в покое на день. Если мы так сделаем, то вся оставшаяся липкость от связующего вещества должна исчезнуть.

- Хм...! Ты разбираешься в своих вещах. Может, ты уже делала так раньше?

Воу, взгляд Лютца пронзительно грубый. Я оказалась полностью беззащитной, ведь так? Мне удалось все самой разрушить, ведь так? Я полнейший и конченный идиот.

Тем не менее, поскольку все, что он сейчас делает, это смотрит на меня своими прищуренными глазами, глубоко задумавшись о чем-то, я не собираюсь ничего говорить, чтобы окончательно похоронить себя. Я уже причинила достаточно вреда, а поскольку я больше не хочу этого делать, я продолжила работать, и без разницы, просто я как будто не хочу тратить время впустую на болтовню.

Если бы я попытался солгать, я бы, вероятнее всего, немедленно все испортила, а так внезапно сказать ему всю правду слишком рискованно. Я уверена, что он скажет еще что-нибудь, как только мы закончим делать бумагу, но я не знаю, что он успел уже узнать или что он на самом деле собирается сказать.

Я же уже думала о том, как бы я могла справиться с ситуацией, на самом деле нет никаких проблем. Я ненавижу боль, я ненавижу пугающие вещи. Если что-то подобное будет выглядеть так, как будто может произойти, то я дам волю лихорадке, которую я удерживаю в своем теле, позволю ей проглотить себя и исчезнуть.

В последнее время я чувствую, что лихорадка стала сильнее, чем раньше, поэтому я уверена, что ее поглощение не займет много времени, как только я выпущу ее.

К сожалению, есть одно большое новое сожаление, которое появилось в моей жизни с тех пор, как я думала об этом в последний раз. Все, что осталось сделать, это только дать бумаге высохнуть. Если мы не сделали ни одной ошибки, я наконец-то смогу сделать бумагу, так что, прежде чем исчезнуть окончательно, я хочу доделать книгу.

Интересно, смогу ли я задержаться достаточно долго, чтобы успеть ее сделать?

Я хочу выиграть себе немного времени. А пока я не закончу книгу, мне нужно придумать, как продлить время.

Пока я размышляла об этом, я продолжила работать отрывистыми движениями.

На следующий день мы тоже мало разговаривали. Мы прошли в лес, положили следующую порцию темной коры в реку, чтобы дать ей впитать влагу, затем пособирали еду. Когда мы вернулись в город, мы заглянули на склад, чтобы положить каменный груз на бумагу. Так как на самом деле мало что осталось делать, ничего не удерживает меня, чтобы я постоянно не смотрела, как Лютц работает. Я очень хорошо понимаю, что он тоже смотрит на меня.

- Эй, ух... - говорит он.

- Хм? В чем дело?

Дрожь пробежала неудержимо через все мое тело, как только Лютц заговорил. Я планировала

быть тихой и спокойной, как будто ничего и не случилось, но я не могу заставить себя вести себя так, как думала. Пока я нервно ждала его следующие слова, Лютц яростно царапал свою голову, трепля свои светлые волосы. Он открыл рот, как будто хочет что-то сказать, а потом снова закрыл.

- ...Неважно.

- О... хорошо.

Это те семена, которые я сама посеяла, так что я прекрасно понимаю, что больше ничего не могу сделать, но пока все будет продолжаться так, я не смогу найти себе утешения.

На следующий день мы отправились в лес, чтобы снять внешнюю кору с нашего следующего набора материалов, убедившись, что не забыли принести для работы доску в этот раз. В этот раз работа намного сложнее, чем была с тронбэй. Волокна оставались в клочьях, после моего ножа. Так получилось не только из-за моей собственной некомпетентности, хотя кажется, даже Лютцу тяжело. С волокнами тронбэй работать было хорошо, но трудность работы с этим новым материалом заставил меня задаться вопросом, сможем ли мы вообще сделать из него бумагу.

- ...Этот материал отличается, с ним намного сложнее, ух.

- Да, действительно так.

Я не могу не вздохнуть, сравнивая эти изодранные волокна с нашими с Лютцем текущими отношениями.

- Мы можем дать внутренней коре высохнуть, прямо в таком виде, так что давай остановимся на данный момент.

- Мм. Эй, хм....

- В чем дело?

- ...Нет, может быть позже. Я скажу тебе, когда мы доделаем бумагу.

Лютц закрыл рот и больше ничего не сказал, а я ему слегка кивнула. Внутри, я уже приготовился к худшему. Лютц заметил, что на самом деле я не Мэйн, и он собирается обвинить меня в этом. В конце концов, с тех пор, как произошла та огромная ошибка, он ни разу не назвал меня "Мэйн".

Когда мы закончили делать бумагу, интересно, какой будет вопль? Или, может быть, это будет ругань? Благодаря моему гиперактивному воображению, Лютц в моем сознании уже начал кричать все сильнее и сильнее, с все более худшими оскорблениями и злословиями про меня. В моем воображении, мое сердце чувствовало пустоту, и я повесила голову.

Как ты мог все это сказать, Лютц! Ты такой подлый! Даже если ты всего лишь плод моего воображения, ты уже заставляешь меня плакать! Я уже плачу!

На следующий день мы работали на складе. Во-первых, мы развесили внутреннюю кору, над которой работали, вдоль края моей корзины, чтобы она смогла высохнуть на солнце, поставив ее снаружи. Далее подняли каменную груз с бумажного полотна, затем аккуратно отклеили каждый лист бумаги и приклеили их к другой доске.

- Мы действительно должны использовать кисть или что-то такое, чтобы убрать весь воздух из-под этих листов, но я думаю, что забыла заказать и ее тоже. Ну что ж, ну что ж ... Они размером с открытку, так что если мы будем осторожны, вероятно, все получится.

- ...Вау, ты забываешь слишком много вещей.

Лютц бросил на меня короткий взгляд, но благодаря всем отвратительным злословиям, которые мой воображаемый Лютц постоянно осыпает меня, что-то на таком уровне меня даже не смутило. Я пожала плечами немного, смахнув оскорбления.

- Ну, убедись, что ты тоже ничего не забыл в следующий раз, когда мы все это будем делать. ...Так в сторону это. Как только мы дадим им высохнуть на солнце, они все будут готовы. Чем дольше мы позволим им оставаться на солнце, тем более насыщенно белыми они будут.

Лютц вынес доску наружу и прислонил ее к стене, чтобы солнце могло светить на нее. После этого он сполоснул бумажное полотно водой из колодца, а затем поставил его рядом с доской, на которой была бумага, чтобы она также смогла высохнуть.

Яркий блеск белой бумаги, выложенную в линию, для высыхания под совершенно ясным, голубым небом, создал прекрасный контраст. Я вздохнула с удовлетворением, удивляясь, что это та бумага, которую я смогу превратить в книгу.

- Хааах, это бумага! Она действительно превратилась в бумагу. ...Это действительно бумага.

- Ну и что теперь...

- Давай дадим посушиться им до вечера. Когда все высохнет, нам будет нужно аккуратно все снять так, чтобы ничего не порвалось, тогда бумага будет полностью закончена.

На этом этапе близким к готовой бумаге, я хочу еще немного отсрочить, столкновение с Лютцем еще немного. Возможно, он прочувствовал это во мне, потому что раздражение внезапно вспыхнуло на его лице.

- Эй, ведь в основном все сделано, да?

- ...Ну, да, но...

- Я же говорил тебе, да? Когда мы сделаем бумагу, мне нужно кое-что тебе сказать.

Час моей расплаты близок. Острый свет заблестел в зеленых глазах Лютца, как будто гнев глубоко внутри него процарапывал свой путь к поверхности.

Я сильно прикусила губу, говоря себе, что я останусь стоять на ногах, что бы он мне ни сказал. Крадясь, я повернулась к мертвому лицу Лютца.